

Епископ Ялтинский Нестор

Святитель Лука шел навстречу своим страхам

НА ВОПРОСЫ «ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ» ОТВЕЧАЕТ ЦЕРКОВНЫЙ ИСТОРИК, СОАВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ СБОРНИКА «КРЫМСКАЯ ЕПАРХИЯ В ДОКУМЕНТАХ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО) И НАДЗИРАЮЩИХ ОРГАНОВ. 1946–1961»

— *Ваше Преосвященство, ваше служение неразрывно связано с Крымским полуостровом. Знали ли что-то в обществе об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком) на излете советской эпохи, помнили ли его церковные люди?*

— Первую книгу об этом человеке, систематизирующую его жизнь и труды, написал светский историк Марк Покровский. Он был диссидентом, впоследствии эмигрировал на Запад. Я читал эту работу еще в самиздате. В стене забвения архиепископа Луки она, конечно, проделала изрядную брешь, но не была лишена изъянов. Верующие же люди, особенно в Крыму, владыку Луку, разумеется, помнили, ведь он пребывал на кафедре полтора десятка лет. Но свидетельства эти передавались из уст в уста и понемногу приобретали характер легенд.

— *Вы подробно изучали биографию святителя, работали с громадным корпусом сопутствовавших его жизни архивных документов. Что поразило вас больше всего?*

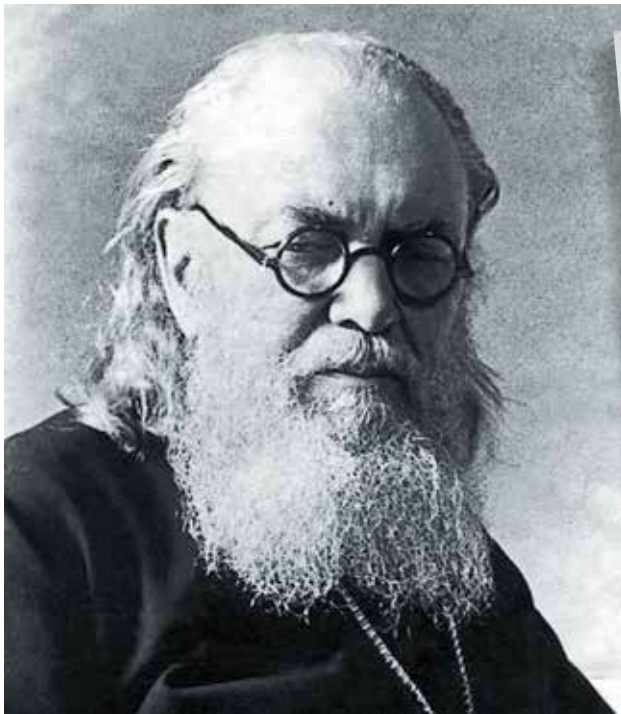
— Я видел его первое уголовное дело — среднеазиатское. Там очень много... человеческого! Например, в череде допросов присутствует момент, когда после колоссального давления на подследственного и, видимо, после избиений он отвечает: «Да, хорошо, завтра я дам показания о своей контрреволюционной деятельности». Допрос на этом завершается, заключенного возвращают в камеру. Далее происходит непонятное: ровно двадцать дней ни одного допроса, через три недели дело передают другому следователю — и святитель твердо заявляет ему: никаких показаний, от своих прежних слов отка-

ЕПИСКОП ЯЛТИНСКИЙ НЕСТОР (Николай Николаевич Доненко), викарий Симферопольской епархии, родился 20 февраля 1958 г. в г. Бердянске (Запорожская обл.). По окончании Харьковского художественно-промышленного института работал в Художественном фонде Симферополя. Обучался в Республиканской художественной школе им. Т.Г. Шевченко в Киеве. В 1989 г. вступил в Союз художников СССР. Исполнял послушание чтеца в симферопольском Свято-Троицком кафедральном соборе. В 1992 г. рукоположен во диаконы и во пресвитеры. С 1993 г. — настоятель Покровского храма в Ореанде (Ялта). В 1996 г. окончил Одесскую духовную семинарию. С 1995 г. — член Синодальной комиссии Украинской Православной Церкви по канонизации. Пострижен в монашество 13 июня 2018 г. Возведен в сан архимандрита 17 июня того же года. Решением Синода Украинской Православной Церкви от 25 сентября 2018 г. (журнал № 35) назначен епископом Ялтинским, викарием Симферопольской епархии.

зываюсь, потому что они были произнесены под давлением. Тут рождается святитель Лука, которого мы знаем: четкий, ясный, точно знающий собственные права и готовый сражаться за свое исповедание и за каждый сантиметр своего внутреннего пространства.

Мы можем только предполагать, что случилось тогда в камере с епископом Лукой. Но способность сказать «нет» становится принципиальной чертой его собственной свободы. При

Диплом лауреата Сталинской премии

погружении в его биографию мы, впрочем, понимаем, что она основывалась на твердом фундаменте характера и личных убеждений. Ведь он мог бы стать хорошим художником — но решает, что доверяться этому душевному влечению неправильно, а гораздо больше пользы он принесет в медицине. После университета ему предлагали заниматься наукой на кафедре — но он

с головой окунается в ремесло земского врача. Состоявшись как врачеватель, кажется, выходит на стабильную, прямую жизненную траекторию — но не боится ее поломать, принимая после революции священный сан, а по смерти жены и хиротонию во епископы, не обещавшую в большевистском государстве, как он, конечно, прекрасно уже тогда понимал, ничего, кроме

Ландыши и незабудки любил больше всего

МАЙЯ ПРОЗОРОВСКАЯ,
внучатая племянница святителя Луки

На многих фотографиях святитель Лука выглядит строгим, даже суровым, поэтому сложился стереотип, что таким он был и в жизни. Да, наверное, в отношении к своим обязанностям, в своем главном служении так и было.

Но в моей памяти осталась картинка, когда на даче в Алуште он сидит на веранде, увитой виноградом, в белом подряснике — весь светлый, благостный. Он очень любил цветы. И не пышные букеты, а анютины глазки, ландыши, незабудки.

***

О его мытарствах я узнала, когда в Алуште на даче святитель диктовал свои мемуары, опубликованные затем в книге «Я полюбил страдание». Секретарь записывала, а мы с мамой затаив дыхание, украдкой смахивая слезы, слушали о его скитаниях по ссылкам и тюрьмам, о пытках. Рассказывал, как его ставили на сутки в деревянный ящик, в котором можно было только стоять. А когда он

терял сознание, обливали ледяной водой и вели на очередной допрос, требуя отказа от веры, признания, что он немецкий шпион. Но говорил об этом совершенно спокойно, словно речь шла о ком-то другом.

И когда он уже полностью потерял зрение (это случилось в 1956 году, левый глаз от перенесенных пыток перестал видеть еще до войны), я ни разу не слышала, чтобы он высказал недовольство или кого-то осуждал. Жалел только, что из-за заключения в тюрьмах и ссылках не сумел помочь многим больным.

***

На дни рождения он делал нам всем небольшие подарки — дарил свои фотографии или книги с подписями. На книге Глеба Успенского «Нравы Растеряевой улицы» он написал: «Внучке моей Марусе в 21 год рождения. Читай, милая Маруся, об этих бедных людях, стоящих на низкой ступени человеческого достоинства, и жалеи их. А сама стремись к тому высокому достоинству, к которому призывает нас Христос великим словом: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный». Чистотой, кротостью и любовью да сияет твое сердце перед людьми. Архиепископ Лука. 7 мая 1951 года».

В череде допросов присутствует момент, когда после избиений подсудленный отвечает: «Да, хорошо, завтра я дам показания о своей контрреволюционной деятельности». Далее двадцать дней ни одного допроса, через три недели дело передают другому следователю — и святитель твердо заявляет ему: никаких показаний, от своих прежних слов отказываюсь, потому что они были произнесены под давлением. Тут рождается святитель Лука, которого мы знаем: четкий, ясный, готовый сражаться за свое исповедание.

лишений и страданий. Святитель Лука всегда шел навстречу своим страхам, не поворачивался к ним спиной, и всегда находил верное направление движения. Это его восхождение было подобно подъему по лестнице Иакова, каждый шаг по которой, как известно, дается с трудом, но делает тебя все выше.

— Как вам кажется, чем объясняется феномен взрывного роста известности и молитвенного почитания святителя Луки у православных как в России, так и за рубежом, свидетелями которого мы становимся?

— Это очень мощная фигура в новейшей истории Церкви — яркая, выразительная. Многие исповедники веры, увы, не пережили гонений, широкой известности в народе не снискали. Святителю же Луке Господь даровал длительное епископское послушание в относительно спокойные послевоенные десятилетия. Но главное, мне кажется, — гармоничное сочетание в святителе нескольких граней его самобытной натуры. Во-первых, это ученый — представитель научного мировоззрения в классическом его виде, заслуживший признание в медицинской науке. В то же время у него присутствует вполне целостное церковное мировоззрение, вытекающее из евангельской правды и святоотеческого учения. И вот это редкое соединение, конечно, побуждает разобрататься: как это советский доктор может носить панагию, а православный епископ — врачевать в государстве рабочих и крестьян?! Второй притя-

гательный момент — драматургия личной жизни. Жена-красавица, нарушившая ради брака с ним собственный обет безбрачия и рано ушедшая из жизни. Маленькие дети, крест воспитания которых отец-одиночка возложил на себя смиренно и безропотно. Другие жизненные удары, породившие в нем невероятную внутреннюю энергию. Наконец, Лука Войно-Ясенецкий никогда не был диссидентом, внутренне он всегда осознавал себя советским человеком. И если он критикует советский строй — только потому, что считает себя полноправным гражданином своей страны и полагает, что вопросы ее внутреннего устройства касаются и его тоже. Здесь, думаю, кроются истоки его громадной смелости, граничившей в некоторые моменты даже с пафосом. В эпоху, когда многие епископы были сломлены и являли в той или иной степени формы сервилизма, святитель Лука сопротивляется гнету в отношении Церкви как гражданин — лауреат Сталинской премии, подпитывающий своим нонконформизмом собственные силу и правоту. И это, конечно, не может не привлекать.